 © Авторы статьи / Authors of the article

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ/RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2026.82.15 EDN: NCXHTC

КРЫМСКИЙ ТЕКСТ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИКИ ПОЭТА)

Научная статья

Аблаева А.Т.[1, *]
[1] ORCID : 0000-0002-1244-5555;
[1] Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (azizeablaeva[at]mail.ru)

Предложена: 25.08.2026; Принята: 23.09.2026; Опубликована: 09.10.2026

Аннотация

Данная статья посвящена выявлению и описанию специфики крымского текста М. Волошина как целостной художественной системы, включающей мифологические, историософские и автобиографические аспекты. Материалом исследования послужили стихотворения поэта разных лет, отражающие эволюцию его восприятия Крыма — от ранней лирики до произведений периода Гражданской войны. Доказана неоднозначность, а подчас и трагическая двойственность трактовки крымского текста поэта: Крым у Волошина одновременно предстаёт как зона сакрального покоя, как поле геополитического столкновения цивилизаций и как пространство катастрофического разрыва времён. В ходе исследования выделены и проанализированы варианты крымского мифа, функционирующие в пределах индивидуально-авторского крымского текста Волошина.

Ключевые слова: сверхтекст, локальный текст, региональный текст, крымский текст, киммерийский текст, крымский миф, Максимилиан Волошин.

MAXIMILIAN VOLOSHIN'S CRIMEAN TEXT (BASED ON THE POET'S LYRICS)

Research article

Ablaeva A.T.[1, *]
[1] ORCID : 0000-0002-1244-5555;
[1] V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

* Corresponding author (azizeablaeva[at]mail.ru)

Suggested: 25.08.2026; Accepted: 23.09.2026; Published: 09.10.2026

Abstract

This article is devoted to identifying and describing the distinctive traits of M. Voloshin's Crimean texts as a holistic artistic system encompassing mythological, historiosophical and autobiographical aspects. The research is based on the poet's poems from various years, reflecting the evolution of his perception of Crimea — from his early lyric poetry to works from the period of the Civil War. The ambiguity and, at times, the tragic duality of the poet's interpretation of Crimea are demonstrated: In Voloshin's work, Crimea appears simultaneously as a zone of sacred tranquillity, as a field of geopolitical clash between civilisations, and as a space of catastrophic rupture between eras. In the course of the study, variants of the Crimean myth operating within the confines of Voloshin's individual, authorial Crimean text have been identified and analysed.

Keywords: supertext, local text, regional text, Crimean text, Cimmerian text, Crimean myth, Maximilian Voloshin.

Введение

Максимилиан Александрович Волошин считается создателем художественного мира, воплощенного в образе античной Киммерии. Его творчество актуально для современного литературоведения, в том числе с точки зрения сохраняющегося устойчивого интереса к региональным сверхтекстам и активно развивающегося учения о крымском тексте. И если киммерийский текст Волошина уже стал объектом научных дискуссий благодаря работам Н.П. Ивановой [1], [2], то вопрос о крымском тексте поэта пока не ставился, что также определяет насущность предложенной статьи. Цель исследования — показать своеобразие крымского текста, сформированного в творчестве М. Волошина. Для достижения данной цели необходимо решить задачи, связанные с выявлением произведений, составляющих крымский текст Волошина, определением вариантов крымского мифа, лежащих в основе крымского текста поэта. Вопрос о специфике крымского текста Волошина до сих пор не оказывался в центре специального литературоведческого анализа, что определяет научную новизну предложенной темы.

Практическая значимость. Результаты исследования вносят определённый вклад в теорию и практику изучения крымского текста русской литературы и могут быть использованы в вузовских курсах по истории русской литературы.

Методы и принципы исследования

Одним из наиболее востребованных методов, лежащих в основе изучения всех пространственных текстов, является мифопоэтический метод, основанный на разборе мифов и мифологем, на которых строится сверхтекст. Историко-литературный метод способствует изучению крымского текста Волошина в контексте эпохи, литературной традиции и новаторства. Биографический метод позволяет проследить влияние жизненных перипетий поэта на его

 © Авторы статьи / Authors of the article

творчество. С помощью интертекстуального метода производится анализ мифологических подтекстов и литературных перекличек Волошина с произведениями других авторов этого периода.

Материалами для изучения послужили произведения М. Волошина разных лет, в частности, цикл «Усобица», отдельные стихотворения — «Дикое поле», «Дом поэта».

Теоретическую базу исследования составили работы А.Г. Лошакова [3] и коллективная монография «Сверхтекст: генезис, структура, семантика» [4], посвященные феномену сверхтекста, теории и практике его изучения, а также труды по изучению крымского текста в русской литературе как литературоведческого явления, монография С.О. Курьянова «Тайный ключ русской литературы»: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков» [5].

Основные результаты

С точки зрения сверхтекстовых образований наследие поэта стало изучаться не так давно. Вопрос существования киммерийского мифа в творчестве М. Волошина поставил С.М. Заяц, который рассматривает цикл «Киммерийская весна» (1916–1926) как один из этапов творимого Волошиным мифа о Киммерии, ставшего для него воплощением Праматери-земли, связанной с образами Христа и Одиссея [6, С. 452]. Наличие киммерийского мифа предполагает существование киммерийского текста. Профессор Н.П. Иванова приходит к выводу, что последовательная реализация в сборниках «Киммерийские сумерки» и «Киммерийская весна» мифологемы пустыни, восходящей к библейским мотивам странничества, испытания крепости веры и духа, позволяет сделать вывод о существовании в русской поэзии XX века киммерийского текста [1]. Кроме этого, Н.П. Иванова установила, что киммерийский текст оформляется как результат осмысления мифа о вечности, лежащего в основе укорененности киммерийского мифа в сознании поэта [2].

Говоря о теоретической трактовке киммерийского текста как сверхтекста, обратимся к трудам С.О. Курьянова, который, следуя в свою очередь за А.Г. Лошаковым, разделявшим сверхтексты на топический (локальный, топосный), именной и событийный, развивает эту классификацию, объединяя названые типы сверхтекста в разряд ассоциативно-смысловых. Топические тексты ученый разделяет на региональные и локальные.

Согласно концепции С.О. Курьянова, локальный текст формируется на основе константных мифологизированных представлений, связанных с конкретным топосом с четко очерченными границами. В число подобных локусов включаются как населенные пункты (город, поселок, село, хутор), так и природные объекты — горы, поля, пещеры, моря, озера, реки и т.д. Ядро локального текста, по мнению ученого, находится вне собственно литературного произведения и представляет собой концепт, представляющий собой национальную, мировую или общекультурную значимость (Петербург, Москва, Париж, Венеция, Ладога, Днепр и пр.) [5, С. 17].

Региональный текст — это топический сверхтекст, основанный на константных мифологизированных представлениях о регионе. Ядром такого сверхтекста является общенациональный или общемировой концепт, связанный с конкретной крупной территорией. Он включает в себя множество локальных текстов, которые на разных этапах по-разному влияли на образ региона. Поэтому региональный текст неоднороден: константные представления могут перерастать в миф, структурирующий сверхтекст через совокупность разновременных мифов (как, например, в крымском сверхтексте, где сосуществуют античный, православный, мусульманский, курортный и другие мифы).

Учитывая, что М.А. Волошин определял Киммерию как восточную часть Крымского полуострова — от древнего Сурожа (Судака) до Босфора Киммерийского (Керченского пролива), противопоставляя ее Тавриде, под которой понималась западный Крым, Южный берег и Херсонес Таврический, киммерийский текст может быть определен как региональный сверхтекст, аналогично крымскому. Поэтому представляется обоснованным рассматривать киммерийский текст в качестве составной части более общего крымского текста.

В основе крымского текста, согласно исследованиям С.О. Курьянова, лежит крымский миф, который реализуется в шести вариантах: «христианский» (о Крыме как святой земле — колыбели русского православия), «восточный» (о Крыме как восточной мусульманской стране), «райский» (о Крыме как райском саде), «античный» (о Крыме как мире европейской античности), «военный» (о Крыме как центре Крымской войны) и «курортный» (о Крыме как курортном и туристическом крае) [5, С. 30].

Крымский текст Волошина основан сразу на нескольких вариантах крымского мифа, которые, впрочем, представляются несколько трансформированными. Поэт воспринимает Крым, свою духовную родину, как периферию античности. В целом этот вариант мифа полностью реализован в киммерийском тексте, реализованном в циклах «Киммерийская весна» и «Киммерийские сумерки». В стихотворении «Дэлос» (1909 г.), не входящем в эти циклы, обитель Аполлона, «каменистые Циклады, Дэлос знойный и сухой» явно напоминает степной Крым, Е.Б. Смагина считает, что Крым представляется Волошину как нечто вечное, неизменное, история Киммерии — как история умерших веков и народов [7, С. 180]: *«Твоей тоской душа томима, / Земля утерянных богов!»* [8]. В стихотворении «Карадаг» (1918) этот горный массив предстает как средоточие исторических эпох и своеобразный вход в царство Аида. По мнению исследователя С. Зайца, мотив Карадага является многоаспектным, выполняя различные функции мифа: «Карадаг проживается поэтом как священная и вдохновляющая сила, которая воссоздана в памяти исторически ритуализованными событиями (миф об Одиссее, его путешествие в царство Аида; о «Титанах, скованных в гробу», об «окаменелых Керубу» и о «богах преисподней»)» [6, С. 453]. Ключевым понятием стихотворения является «Самофракийская Победа», символизирующая античную богиню Нику. Волошин не просто рисовал Крым как античный топос, а сформировал собственный античный миф.

Миф о Крыме как о святой земле, колыбели русского православия, также обнаруживается в крымском тексте Волошина. В первую очередь он проявляется через библейские образы и мотивы. Пейзаж также напоминает библейский, при этом элементы растительного мира, ассоциирующиеся со священным писанием (лавр, неопалимая купина, тёрн и т.п.), соседствуют с реальной крымской флорой (полынь, чабрец, миндаль и др.)

 © Авторы статьи / Authors of the article

Стихотворение «Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель» (1907) по своему настроению напоминает восхождение на Голгофу, что подтверждают отдельные образы и символы: причащение солью, весенняя крымская земля показана как распятая: *«И лежит земля страстная в черных ризах и орарях; / Причащусь я горькой соли задыхающейся волны, Обовью я чобром, мятой и полынью седой чело; / В весне распятый, мой торжественный Коктебель!»* [8].

Более позднее творчество М. Волошина, включающее цикл стихотворений «Усобица» (1919-1921), хоть практически и не содержит привычных крымских образов, несомненно, составляет крымский текст. Большинство произведений цикла посвящено кровавым событиям в истории России, которые наиболее трагически проявились именно в Крыму (речь идет о Гражданской войне, красном терроре и голоде 1921 года), что позволяет отнести их именно к пространственному, а не событийному тексту.

Цикл «Усобица», по мнению М.В. Яковлева, представляет собой метаисторическую летопись о Гражданской войне. Само название, считает ученый, подчеркивает, что происходящее в стране воспринимается как продолжение княжеской усобицы: «стихотворения цикла отличаются специфическим, жестким натурализмом, напоминающим древнерусскую «Повесть о разорении Рязани Батыем» (XIII в.)» [9, С. 123].

Все стихотворения, помимо даты, содержат указания на место создания — чаще всего это Коктебель и Симферополь. Несмотря на то, что Волошина всегда ассоциируют с его литературным гнездом — Коктебелем — он в 1918–1920-е годы много времени проводил в столице Крыма. В Симферополе Волошин добивался в чиновничьих кабинетах охраны своего коктебельского дома, заступался за осужденных новой властью деятелей искусства. В домах своих друзей и знакомых выступал со своими стихотворениями и лекциями. В эти годы и были созданы самые пронзительные и страшные стихотворения.

Особенностью этого цикла являются библейские образы, использованные автором для осмысления современности. Волошин, стремившийся стоять «над схваткой» (он давал приют и белым, и красным), воспринимал происходящее как трагедию вселенского масштаба.

В одном из самых страшных стихотворений всего творчества Волошина «Красная Пасха» (1921), входящего в цикл «Усобица», описываются через призму евангельских событий последствия взятия Крыма советскими войсками. Интересный факт: в год создания этого стихотворения Пасха выпала на 1 мая, то есть совпала с одним из самых знаковых советских праздников — Первомаем, что подтверждает мысль о противопоставлении праздника Христова Воскресения с событиями революции, которые ассоциируются у поэта с концом света: *«И красный май сплелся с кровавой Пасхой / Но в ту весну Христос не воскресал»* [8].

Первая часть стихотворения посвящена теме страшного голода 1921 года, ставшего последствием гражданской войны и неудачной большевистской экономической политики в Крыму. По некоторым подсчетам в период с 1921 по 1923 годы на полуострове погибло более 100 тысяч человек. Натуралистичные сцены голода («*Зимою вдоль дорог валялись трупы / Людей и лошадей»* [8]*)* сменяются эпизодами репрессий, сопровождавших красный террор («*А по ночам стучали пулеметы, Свистя, как бич, по мясу обнаженных / Мужских и женских тел»* [8]).

Похожие образы встречаются у писателей — свидетелей этих событий – знаменитое художественное свидетельство голода И.С. Шмелева «Солнце мёртвых» и повесть С.Н. Сергеева-Ценского «В грозу».

Условная вторая часть стихотворения начинается с наступления весны — времени возрождения, обновления. Но картина весны у Волошина не менее страшная, потому что это время года уже не ассоциируется с солнцем и теплом, оно «зловещее, голодное, больное» («*Под талым снегом обнажались кости»* [8]).

Крым предстает в стихотворении как место, где природа и человеческая жизнь переплетаются в трагическом единстве. Природа здесь не является утешением или спасением, она сама подверглась разрушению и деградации: образы подснежников, фиалок и ландышей, которые обычно ассоциируются с красотой весны, здесь наполнены символикой смерти и разложения («*Подснежники мерцали точно свечи / Фиалки пахли гнилью / Ландыш — тленьем»* [8]). Этот контраст подчеркивает глубокую травму, пережитую регионом. Цветовая символика красного — крови, страсти, революции — усиливает ощущение трагедии. При этом само название стихотворения амбивалентно — это неприметельное на первый взгляд противопоставление религиозных и революционных образов. В первоначальном восприятии красный цвет ассоциируется с Воскресением, возрождением рода человеческого (притча о красном яйце), однако период, к которому относится стихотворение, это прежде всего цвет революции и насилия. Таким образом, красный цвет становится не праздничным, а цветом кровавой смерти. Революция и ее последствия в Крыму Волошин ассоциирует со страстной седмицей: «*Зима в тот год была Страстной неделей»* [8]. Однако в отличие от евангельской истории описываемые события не имеют счастливого конца: «*Но в ту весну Христос не воскресал»* [8]. «Красная Пасха» — это самое пронзительное свидетельство эпохи, в котором его автор-гуманист пытался сохранить сакральное в революционном.

В цикле «Киммерийские сумерки» можно выделить райский вариант крымского мифа, в рамках которого Крым (в частности Киммерия) воспринимается как место обретения истины. Однако в цикле «Усобица» под влиянием исторических катаклизмов этот миф трансформируется в миф об утраченном рае. Так Крым воспринимали многие писатели русского зарубежья (например, И. Бунин и И. Шмелев), для которых полуостров был последним оплотом родины.

Для поэта Крым был не просто географическим местом, а перекрестьем культур и цивилизаций. Волошина интересовала история Крыма, судьбы его народов. При этом он отказывается от экзотики, «восточного колорита», так привлекавшего романтиков и авторов начала века. Так, в стихотворении «Дикое Поле» рассказывается о древней истории полуострове, о населявших его племенах, сменявших друг друга: «*За хазарами шли печенеги…/ Много было их — люты, хоробры, / Но исчезли, «изникли, как обры»,/ В темной распре улусов и ханств»* [8].

Стихотворение представляет собой стратегию повествования, направленную на демонстрацию связи времён, проявляющуюся в разных формах соотношения прошлого и настоящего. Так выражается стремление писателя понять

 © Авторы статьи / Authors of the article

действительность в широкой исторической перспективе. История предстаёт как вечный круговорот вражды, когда человеческие жизни приносились в жертву чьим-то интересам. Материальными свидетельствами тому служат и хронотопические детали — уцелевшие в настоящем знаки прошлого: *скифские курганы, каменные бабы, могильники и* др.

Программное стихотворение «Дом поэта» (1926) продолжает мысль о древней истории Крыма и населявших его народов, которые представляются у Волошина как звенья цепи великих цивилизаций, сменяющих друг друга и уходящих в далекое прошлое, где размывается грань между реальностью и мифом: «*И та же страсть и тот же мрачный гений / В борьбе племен и в смене поколений*» [8]*; «Сарматский меч и скифская стрела, / Ольвийский герб, слезница из стекла, / Татарский глёт зеленовато-бусый / Соседствуют с венецианской бусой*» [8]. В этом стихотворении можно увидеть «следы» восточного мифа, причем точка зрения автора на Крым как восточную страну отличается от произведений, в которых этот вариант крымского мифа формировался. Он возник как миф о чужой, порочной, враждебной земле. Волошин, как один из писателей, тесно связанных с Крымом и его народами, смотрел на этот «иной» для него мир, с одной стороны, как бы «изнутри», с другой— его лирический герой воспринимает полуостров как «чужую» землю, беря на себя ответственность за уничтоженный рай: «*За полтораста лет — с Екатерины — Мы вытоптали мусульманский рай*» [8].

Заключение

Итак, крымский текст М. Волошина не ограничивается киммерийским текстом, сформированным на основе античного варианта крымского мифа. Библейские мотивы, которыми изобилуют стихотворения поэта, формируют христианский вариант Крымского вида. В трансформированном виде находят отражение восточный и райский варианты крымского мифа. Мифологемы голода, насилия и кровопролития, а также утраченного рая составляют крымский текст Волошина этих лет и формируют пространство катастрофы.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Иванова Н.П. Мифологема пустыни в киммерийском тексте М. А. Волошина / Н.П. Иванова // Russian Linguistic Bulletin. — 2024. — № 9. — DOI: 10.60797/RULB.2024.57.18.

2. Иванова Н.П. Миф о вечности в Киммерийском тексте М. А. Волошина / Н.П. Иванова // Russian Linguistic Bulletin. — 2024. — № 10. — DOI: 10.60797/RULB.2024.58.23.

3. Лошаков А.Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен : монография / А.Г. Лошаков. — Архангельск : Поморский университет, 2007. — 344 с.

4. Курьянов С.О. Сверхтекст: генезис, структура, семантика : монография / С.О. Курьянов. — Москва : Директ–Медиа, 2023. — 224 с.

5. Курьянов С.О. «Тайный ключ русской литературы»: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков : монография / С.О. Курьянов. — Москва : ИНФРА-М, 2019. — 304 с.

6. Заяц С.М. «Киммерийская весна» Максимилиана Волошина как этап мифотворчества и жизнетворчества поэта / С.М. Заяц // Вестник Башкирского университета. — 2003. — № 3. — С. 449–453.

7. Смагина Е.Б. Пути Библии: к трактовке античных и библейских мотивов в творчестве М. А. Волошина / Е.Б. Смагина // Соловьевские исследования. — 2019. — № 4 (64). — С. 177–189.

8. Волошин М.А. Собрание сочинений. Том 1. Стихотворения и поэмы 1899–1926 / М.А. Волошин // Библиотека русской и советской классики. — 2003. — № 1. — URL: https://traumlibrary.ru/book/voloshin-ss10-01/voloshin-ss10-01.html (дата обращения: 26.08.2026).

9. Яковлев М.В. Образ Гражданской войны в поэзии М. А. Волошина / М.В. Яковлев // Вестник государственного гуманитарно-технологического университета. — 2021. — № 2. — С. 122–129.

10. Люсый А.П. Крымский текст русской литературы: история и современность / А.П. Люсый // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2016. — № 11 (750). — С. 161–171.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ivanova N.P. Mifologema pustini v kimmeriiskom tekste M. A. Voloshina [The Mythologem of the Desert in M. A. Voloshin's Cimmerian Text] / N.P. Ivanova // Russian Linguistic Bulletin. — 2024. — № 9. — DOI: 10.60797/RULB.2024.57.18. [in Russian]

2. Ivanova N.P. Mif o vechnosti v Kimmeriiskom tekste M. A. Voloshina [The Myth of Eternity in M. A. Voloshin's Cimmerian Text] / N.P. Ivanova // Russian Linguistic Bulletin. — 2024. — № 10. — DOI: 10.60797/RULB.2024.58.23. [in Russian]

 © Авторы статьи / Authors of the article

3. Loshakov A.G. Sverkhtekst kak slovesno-kontseptualnii fenomen [The Supertext as a Verbal-Conceptual Phenomenon]: monograph / A.G. Loshakov. — Arkhangelsk : Pomeranian University, 2007. — 344 p. [in Russian]

4. Kuryanov S.O. Sverkhtekst: genezis, struktura, semantika [Supertext: Genesis, Structure, Semantics] : monograph / S.O. Kuryanov. — Moscow : Direkt–Media, 2023. — 224 p. [in Russian]

5. Kuryanov S.O. "Tainii klyuch russkoi literaturi": formirovanie i stanovlenie krimskogo teksta v russkoi literature X–XIX vekov ["The Secret Key to Russian Literature": Covers and the Emergence of the Crimean Text in Russian Literature of the 10th–19th Centuries] : monograph / S.O. Kuryanov. — Moscow : INFRA-M, 2019. — 304 p. [in Russian]

6. Zayats S.M. "Kimmeriiskaya vesna" Maksimiliana Voloshina kak etap mifotvorchestva i zhiznetvorchestva poeta [Maximilian Voloshin's "Cimmerian Spring" as a Stage in the Poet's Myth-Making and Life-Creation] / S.M. Zayats // Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkir University]. — 2003. — № 3. — P. 449–453. [in Russian]

7. Smagina E.B. Puti Biblii: k traktovke antichnikh i bibleiskikh motivov v tvorchestve M. A. Voloshina [Paths of the Bible: On the Interpretation of Classical and Biblical Motifs in the Work of M. A. Voloshin] / E.B. Smagina // Solovevskie issledovaniya [Solovyov Studies]. — 2019. — № 4 (64). — P. 177–189. [in Russian]

8. Voloshin M.A. Sobranie sochinenii. Tom 1. Stikhotvoreniya i poemi 1899–1926 [Collected Works. Volume 1. Poems and Narrative Poems, 1899–1926] / M.A. Voloshin // Biblioteka russkoj i sovetskoj klassiki [Library of Russian and Soviet Classics]. — 2003. — № 1. — URL: https://traumlibrary.ru/book/voloshin-ss10-01/voloshin-ss10-01.html (accessed: 26.08.2026). [in Russian]

9. Yakovlev M.V. Obraz Grazhdanskoi voini v poezii M. A. Voloshina [The Image of the Civil War in the Poetry of M. A. Voloshin] / M.V. Yakovlev // Vestnik gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta [Bulletin of the State University of Humanities and Technology]. — 2021. — № 2. — P. 122–129. [in Russian]

10. Lyusyi A.P. Krimskii tekst russkoi literaturi: istoriya i sovremennost [The Crimean Text in Russian Literature: History and the Present Day] / A.P. Lyusyi // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnie nauki [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities]. — 2016. — № 11 (750). — P. 161–171. [in Russian]